Такимъ образомъ, концентрація капитала понимается теперь Каутскимъ уже не въ смыслѣ сосредоточенія средствъ производства въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа лицъ, а въ смыслѣ все большаго и большаго расширенія размѣровъ самого капиталистическаго способа производства, въ смыслѣ стремленія капиталя захватывать въ свою власть все новыя и новыя средства производства и вводить ихъ въ сферу крупной промышленности,—словомъ, въ смыслѣ замѣны разсѣяннаго и раздробленнаго мелкаго производства сконцентрированнымъ крупнымъ производствомъ. Отсюда вытекаетъ, конечно, само собою, что общее число капиталистовъ можетъ постоянно возрастать и, какъ мы знаемъ, постоянно возрастаетъ на самомъ дѣлѣ, при чемъ онъ нисколько не противорѣчитъ теоріи концентраціи. «Теорія Маркса утверждаетъ только,—говоритъ Каутскій—что (при общемъ приростѣ населенія) всего быстрѣе возрастаетъ классъ наемныхъ рабочихъ и крупная буржуазія, промежуточные же между ними слои относительно уменьшаются» (ibid, стр. 89).

Такова современная теорія концентраціи. Легко видѣть, что она совершенно разрушаетъ представленіе о томъ крайне неустойчивомъ политическомъ положеніи, къ которому стремилось бы буржуазное общество, если бы его развитіе предполагало господство все болѣе и болѣе замкнутой олигархіи. Мало того, эта теорія не только не подтверждаетъ первоначальныхъ надеждъ на эту вторую форму саморазрушенія капиталистическаго строя подъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ, но, напротивъ того, содержитъ въ себѣ указаніе на постоянно возрастающую его устойчивость.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на нѣкоторыхъ очень важныхъ теоретическихъ разъясненіяхъ, которыя мы находимъ у Каутскаго не въ его книгѣ о Бернштейнѣ и соціалъ-демократической программѣ,—книгѣ, въ которой эта программа подвергается полному пересмотру и обширному теоретическому обоснованію (книга вышла въ 1899 году).

Оспаривая то положеніе Бернштейна, согласно которому вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма увеличивается средній, промежуточные слои населенія и сглаживаются классовыя противорѣчія, Каутскій утверждаетъ, что на основаніи статистическихъ данныхъ мы можемъ говорить лишь объ *абсолютномъ* увеличеніи числа имущихъ лицъ въ промышленно-развивающихся странахъ, а не объ относительномъ, процентномъ увеличеніи ихъ, по сравненію съ общимъ приростомъ населенія. По такъ какъ при этомъ находятъ рѣчь и объ Англіи, гдѣ Каутскій допускаетъ возможность даже и *относительнаго* увеличенія числа имущихъ, то въ виду этого онъ настаиваетъ на проведеніи строгаго разграниченія между *промышленными* капиталомъ, съ одной стороны, и *торговымъ и денежнымъ*,—съ другой, при чемъ всѣ выводы, касающіеся революціонной роли капиталисти-

ческаго способа производства,' онъ считаетъ возможнымъ примѣнить лишь къ области одного промышленнаго капитала.

«Съ марксистской точки зрѣнія—говоритъ онъ—въ современномъ обществѣ революціонная сила лежитъ не въ капиталѣ вообще, а лишь въ *промышленномъ капиталѣ*; только послѣдній представляетъ собою ту силу, которая создаетъ подготовительныя условія для соціалистическаго способа производства и вызываетъ на свѣтъ тѣхъ пролетаріевъ, историческая задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы осуществить этотъ способъ производства» (ibid., стр. 94).

Но если такъ, то спрашивается: какое же значеніе имѣютъ въ такомъ случаѣ, въ общемъ капиталистическомъ развитіи какой страны, не промышленные виды накопляющихся въ ней капиталовъ? Въ самомъ дѣлѣ, говоря объ исключительной принадлежности всему революціонизирующаго вліянія въ промышленныхъ странахъ лишь одному промышленному капиталу, Каутскій не отрицаетъ, конечно, самаго существованія и развитія въ нихъ другихъ формъ капитала, т. е. торговаго и денежнаго; онъ отрицаетъ только ихъ революціонную роль. Но тогда является вопросъ: какую же другую, не революціонную роль они играютъ въ промышленно-развитыхъ странахъ? И вотъ по этому поводу мы также находимъ у Каутскаго очень интересное замѣчаніе.

Говоря о томъ, что для того, чтобы сдѣлать выводы о приростѣ числа имущихъ лишь въ Англіи, слѣдовало бы сопоставить эти цифры съ приростомъ пролетаріата не только въ самой Англіи, но также и во всѣхъ ея колоніяхъ и во всѣхъ тѣхъ странахъ, въ которыхъ происходитъ эксплуатація труда за счетъ англійскаго капитала, но что для этого нѣтъ соотвѣтствующаго статистическаго матеріала, Каутскій прибавляетъ слѣдующее:

«Тѣмъ не менѣе сравненіе прироста имущихъ въ самой Англіи съ приростомъ ея населенія не было бы лишено своего значенія. Если бы оно показало болѣе быстрое увеличеніе числа имущихъ, то это вовсе не доказало бы ложности закона Маркса о капиталистическомъ способѣ производства, а доказывало бы лишь только, что въ Англіи растутъ *предметы для соціализма*» (ibid., стр. 94; курсивъ нашъ).

Вотъ здѣсь-то именно, для выясненія того, почему эти растущіе предметы для соціализма всетаки не опровергали бы теоріи Маркса, Каутскій и устанавливаетъ разграниченіе между промышленнымъ и не промышленнымъ капиталомъ: такъ какъ теорія Маркса о неизбѣжномъ саморазрушеніи капиталистическаго строя относится лишь къ росту промышленнаго капитала, то очевидно, что тѣ противодѣйствія этому процессу саморазрушенія, какія возникаютъ со стороны непромышленныхъ видовъ капитала, не опровергаютъ этой теоріи, а могутъ даже служить для нея отрицательнымъ подтвержденіемъ.